

Расстрелянный Ярославль

ПЕЧАЛЬНАЯ ДАТА

Сегодня «Северный край» завершает публикацию фрагмента из книги Евгения Соловьёва «Расстрелянный Ярославль», которая в настоящее время готовится к печати. Книга посвящена истории июльского восстания 1918 года в Ярославле и содержит много ранее неизвестных фактов и фотографий.

ФИЛЬТРАЦИОННЫЙ ПУНКТ НА ВСПОЛЬЕ

Артиллерийские обстрелы и пожары поставили население Ярославля на грань выживания. Начавшаяся 8 июля почти непрерывная канонада длилась ежедневно с 9 часов вечера до 12 дня, то есть всю ночь. Днём орудийная стрельба несколько стихала, противоборствующие стороны сражались с помощью пулемётов, винтовок. Белым активно помогал единственный броневик «Добрыня», который не раз спасал повстанцев. Жители города прятались по подвалам или старались убежать от кошмарного обстрела и непрекращающихся пожаров. Беженцы двигались в двух направлениях. Кому было нечего терять, старались выбраться из Ярославля и уходили на станцию Всполье или на переправу через Волгу и из Твериц в окрестные деревни. Другие старались пробраться из городских окраин в центр, где можно было спрятаться в подвалах каменных зданий.

Как вспоминал очевидец Е. Лосинов, «стрельба производилась фугасными снарядами (зажигательными), и маленькие деревянные домики и далее улиц(ы), вплоть до Мологской, начали сначала одиночно вспыхивать, а потом пожар принял грандиозные размеры. С этого момента впереди боя по улицам стали двигаться сотни погорельцев, торопливо старавшихся спрятаться куда-нибудь, иные в слезах, что потеряли всё своё имущество, другие в неизвестности, что делается с их близкими, и почти большинство с оцепенелыми, испуганными лицами, не сознающими, что кругом творится и куда они бегут».

Для беженцев на станции Всполье уже 7 июля был организован фильтрационный пункт. Красные проверяли каждого человека. Как писал командир Новгородского батальона Александр Поляков, «у меня был организован концлагерь для более ненадёжных, коих я направлял в таковой, но красноармейцы по дороге по

действию. Поэтому мы перешли вскоре, главным образом, к артиллерийскому обстрелу города, и обстрел в течение 11 (?) дней был непрерывный, круглые сутки, за исключением глубокой ночи.

...Мы пытались возваниями и, насколько это удавалось, другими путями распространять в городе среди населения решение Ревкома, чтобы население уходило из города, так как для нас не было другой возможности, кроме артиллерийского огня».

УБОЙНАЯ КОМАНДА ВАСИЛИЯ РЕМЕЗЮКА

К разрушению Ярославля

Проволочные заграждения у церкви Спаса на Городу.

Тысячи ярославцев в одночасье стали бездомными.

Фото из архива ВММММ

Расстрелянная красными церковь Петра и Павла (находилась на берегу Волги в районе нынешней Октябрьской площади).

Фото из ГАНО

рандашом на листе бумаги в клетку. Именно таким его обнаружили в Российском государственном военном архиве краеведы братья Шевяковы. Текст послания гласил (сохранена последовательность изложения оригинала):

«Начальнику Советских войск, действующих против Ярославля.

Милостивый Государь. Настоящим уведомляем, что если с 6 утра сегодня не будет прекращён обстрел города зажигательными снарядами, то для ограждения интересов граждан гор. Ярославля мною будут приняты следующие меры:

2. После 8 час. утра сегодня, в случае прекращения обстрела города зажигательными снарядами, будут расстреляны все пленные советских войск, которых состоит около 1600 человек, считая в том числе представителей содела и других органов бывшей советской власти.

шись никакого ответа от оставших, вечером 9 июля начали новый массированный артиллерийский обстрел Ярославля. Пушки целились во все высокие здания, где были установлены пулемёты повстанцев. Очевидцы вспоминали, как снаряды пробивали купола храмов и сбивали маковки колоколен, где были оборудованы пулемётные гнёзда.

Под прикрытием артиллерии начался новый штурм города. Как установили братья Шевяковы, в атаку пошли подразделения Ярославского, Костромского, Кинешемского, Шуйского, Варшавского, 2-го Московского полков, Новгородского, Старорусского, Рыбинского, Романово-Борисоглебского, Иваново-Вознесенского батальонов, другие отряды и подразделения. Несколько продвинувшись вперёд, красные были остановлены отчаянным сопротивлением повстанцев. Большая усталость, серьёзные потери от пулемётного огня и отсутствие свежих резервов заставили красногвардейцев отойти на прежние позиции.

Тем не менее за первые 3 – 4 дня после начала Ярославского восстания красным удалось взять повстанцев в плотное кольцо, не оставив им шанса на организо-

ского собора пулемёты обжигались церковниками. частности, историк Р. Бала писал, что священники «ипулемётов расстреливали ищущих в наступлении рабочих красноармейцев», а на колоннах Спасского монастыря из пулемётов стреляли исключительно монахи».

В красном лагере во время восстания и родилась странная поговорка – «каждый пик – пулемётчик». Ко всему прочему, священникам пришлось... участие в допросах. Дальше всех пошёл кандидат наук В. А. Галкин, который написал: «Церковники комендовали свозить тела убитых рабочих к Спасскому монастырю и из них создавать бавочную стену».

Никаких документальных доказательств этих действий заявлений священнослужителей во время Ярославского восстания, разумеется, не найдено. Краевед В. А. Мяснин, изучавший историю восстания более тринадцати лет, не обнаружил указанных фактов даже в протоколах допросов ЧК. К этому называл подобные мышления явной фальсификацией.

А вот большевики жестоко расправлялись со священнослужителями. Установлены факты расстрелов красными бойцами двух священников.

Первым попал в руки красноармейцев **о. Геннадий Заровцев**, настоятель Владимирской церкви (на улице Лисинская). Церковь находилась на территории Всполье в центре города и занимала стратегическое местоположение при отражении атак красных войск. На её колокольне стоял пулемёт повстанцев, который причинил много бед большевикам.

Как вспоминал командир Новгородского батальона Александр Поляков, «мною было выкачено одно орудие против этой церкви и шагон 1000 она была обстреляна, всё же пулемёт с таковой был В ночь на 8 или 9 церковь была красноармейцами окружена с таковой с пулемётом был снят поп». Священник был расстрелян красными. В 2000 году его причислили к лику святых.

Другой жертвой красных стал настоятель церкви Параскевы Пятницы на Тугой горе **о. Николай Брянцев** вечером 6 июля – в первый день восстания – большевики прищипали на Тугову гору арти-

активно подключился бронепоездом Действительный. Я бы про-

Александр Поляков. «У меня был организован концлагерь для более ненадёжных, коих я направлял в таковой, но красноармейцы по дороге по рукам судили того или иного беженца, если руки похожие на рабочие, то таковых вели в концлагерь, а непохожие на рабочие, то тех расстреливали». Сколько людей погибло, не пройдя «тест на руках», осталось неизвестным. Оставшихся в живых после проверки за железнодорожной насыпью на Всполье отправляли в лагерь беженцев.

Руководитель Ярославского восстания, потомственный артиллерист Александр Перхуров был поражён, с какой жестокостью красные батареи разрушали древний Ярославль. На суде он рассказал: «На фронте наступающих стали появляться большие батареи... Ту канонаду, которая была в Ярославле в силу этого, не всегда можно было услышать и на фронте в германскую войну. Меня удивляло только то, что действие этих батарей было направлено не на живую силу, а на здания. Между прочим, была стрельба зажигательными снарядами, поднялись пожары... Я не верил, как можно простым снарядом полевым произвести пожар. Я сам артиллерист и знаю, что полевым снарядом нельзя зажечь здание без соломенной крыши. Здесь же горели здания каменные и деревянные, во всяком случае — с железными крышами. Потом я узнал, что стрельба производится зажигательными снарядами».

ПОЧЕМУ КРАСНЫЕ «РАСТРЕЛИВАЛИ» ЯРОСЛАВЛЬ?

В своих воспоминаниях большевики называли различные причины масштабного артиллерийского обстрела Ярославля. Наиболее открыто и чётко объяснил их председатель Военно-революционного комитета северных железных дорог И. Н. Миронов.

Он писал: «Организованно командования с нашей стороны в достаточной степени всё время не было, первые дни не было и товарища, мало-мальски знающего военное дело, могущего руководить боевыми операциями. Ясно было, (что) недостаточно или, вернее, почти совсем не было лиц, достаточно знакомых с управлением артиллерийскими орудиями. Всё это и затрудняло ликвидацию восстания, и вызвало в достаточной степени беспорядочный обстрел города и тем (самым) излишние разрушения».

Первые дни мы пытались взять город ружейной атакой, но у белых было слишком много пулемётов, мы потерпели поражение — наши атаки не имели на противника никакого

(Окончание.
Начало в номере за 17 июля).

активно подключился бронепоезд № 2 «Победа или смерть» под командованием 23-летнего матроса Василия Мартыновича Ремезюка (в некоторых документах — Ремизюка). В начале июля он должен был идти на фронт, но после восстания его отправили в Ярославль. 8 июля бронепоезд прибыл в город, где был разделён на две половины — одна площадка с орудиями обстреливала Ярославль из района станции Всполье и железнодорожного моста через Которосль, другая направлялась дальше — к 11-й версте (станция Приволье) и на подступы к железнодорожному мосту через Волгу.

Вялость и трусость большевистской пехоты сводили многие действия команды бронепоезда на нет, что вызывало гнев у Василия Ремезюка. Вот как сам командир бронепоезда № 2 сообщал 8 — 9 июля о сложившейся ситуации в Москву: «...В целом обстреляна река

Трупы на улицах Ярославля.

Волга, по правую и левую сторону подожжены баржи и дома, откуда бил по нас пулемётный обстрел, пришлось проходить, оставляя пехотную цепь сзади, благодаря пехотным командирам, но в результате перешли в наступление после заявления мною, что если не перейдут, то начну расстреливать их начальников, которые сидят в окопах за железной дорогой.

После обстрела правого берега частью был занят, потом в течение трёх часов продолжался обстрел центра города, но опять благодаря только пехоте была занята половина его. ... Приблизительно к двум часам ночи горел чуть ли не весь город, преимущественно центр. Обстрел я продолжал с трёх часов ночи. В результате чего выбыло из строя временно три орудия, пулемётная площадка, один убит и несколько ранено из пулемётчиков и командного состава.

Личное моё убеждение, что всё же существующей здесь армией можно сделать очень немногое, что показало мне на опыте... С городом покончить не трудно, но всё же надо поэнергичней здешним началь-

никам действовать. Я бы просил немедленно выслать двести человек стрелков с пулемётами, желательны латышей, тогда успех гарантирую».

В кровопролитных боях с восставшими были тяжело ранены шесть пулемётчиков и машинист паровоза бронированного поезда. Командант бронепоезда В. И. Троянский получил шесть ран. В одной из штыковых атак Василий Ремезюк был ранен в лицо и в ногу. Тяжелые ранения получила медицинская сестра бронепоезда. Сами платформы к концу подавления восстания имели пробоины в 55 местах.

«Победа или смерть» оказал большевикам огромную услугу, став сразу после прибытия на Ярославский фронт одной из главных ударных сил красных. Григорий Петрович назвал его в воспоминаниях «героем»: «Он как силач в рукопашной схватке, где рукой махнёт, там и валяются. Я пом-

ню, когда не могли долго сбить белогвардейские пулемёты с верхушки спичечной фабрики «Факел» (бывшая Дунаева), то он моментом выполнил эту задачу, так же было и в других местах. Немало, вероятно, нагонял он страху белогвардейцам, а нам большую оказывал услугу».

УЛЬТИМАТУМЫ БЕЛЫХ И КРАСНЫХ

Из-за артиллерийских обстрелов и непрекращающихся пожаров на 3-й — 4-й день восстания в городе выгорали целые улицы. Некогда оживлённые рабочие кварталы представляли собой руины. Местные жители, попавшие волею случая в водоворот кошмарных событий, страдали от нехватки продовольствия, потери крова и имущества. Белогвардейцы, чьи укрытия «сожрал» огонь, продолжали обороняться, прячась за оставшимися после пожара печами.

В ночь с 8 на 9 июля руководитель Ярославского восстания Александр Перхуров предъявил большевикам ультиматум. Текст был написан ка-

Отец Николай (Брянцев) был зверски замучен большевиками.

1. В 7 часов утра, в случае прекращения огня, за каждый выстрел будет расстреляно 10 пленных из советских войск, сейчас содержащихся под арестом.

3. Изложенное в равной мере будет распространено на всех пленных германцев и мадьяр, находящихся в городе Ярославле, так как, по точным сведениям, имеющимся у штаба армии, представители их

Санитарная команда несколько дней закапывала тела убитых.

принимают участие в боевых действиях советских войск.

4. Предупреждение является первым и последним, часы указаны по-новому».

Александр Перхуров явно блефовал. Расстрелы пленных советских и партийных работников или военнопленных не последовало. «Это была угроза, как обычный приём, который применяется в таких случаях», — говорил он на суде.

Ультиматум Белой гвардии попал в штаб красных на станцию Всполье утром 9 июля. Его текст тут же был передан по телеграфу в Москву. Угрозы руководителей Северной добровольческой армии вызвали негодование у командиров большевистских отрядов. «Ультиматум Красной гвардии» сочиняли сообщество был напечатан на пишущей машинке и содержал много нецензурной брани. Поэтому исследователи ни разу не привели его полный текст, а только пересказывали суть требований большевиков — «сдавайте оружие, иначе будет открыт ураганный огонь».

Большевики, не дождав-

кого восстания красным удалось взять составших в плотное кольцо, не оставив им шанса на организованный уход из города. Постепенно линия фронта сдвигалась с городских окраин к центру Ярославля. Красноармейцы давили пехотой и расстреливали кварталы артиллерией, белые сопротивлялись и по-прежнему не собирались сдаваться.

Штаб красных вновь телеграфировал в Москву: «Мы скоро думаем ликвидировать, но тормоз всему, что командиров, руководителей не имеется. После обмена ультиматумов противник отступает, перемещаясь через Волгу. Мы обстреливаем. Вышлите какого-нибудь распорядителя с железной волей для восстановления порядка и ликвидации создавшегося положения».

Красные широко применяли расстрелы без суда и след-

Параскевы Пятницы на Тугове о. Николай Брянцев вечером 6 июля — в первый восстания — большевики прорвали на Тугову гору артиллерийское орудие и открыли огонь по центру Ярославля. течение следующих нескольких дней здесь были установлены ещё несколько орудий, а сколько бойцов попытались тащить пулемёт на колокольню храма. Священник возмутился действиями солдат.

8 июля красногвардейцы расправились с отцом Николаем. По рассказам прихожан, которые в тот день были службой, священника схватили и решили расстрелять. Его ставили самого рыть себе могилу. Настоятель просил стрелять ему в лицо. Пули пали в грудь, священник ещё жив, когда его сбросили в яму. Отец Николай продолжал креститься и молился. Его копали живым, сверху бросили дохлую собаку и под конец мочились на могилу. 18 июля он был перезахоронен священным чином, в новую могилу вместе с телом положили Евангелие. Сейчас место захоронения неизвестно, поскольку советское время многие мраморные могильные плиты были увезены для ремонта полевых железнодорожных вокзалов Ярославль-Московский.

В мае 1922 года, во время Международной экономической конференции в Женеве, российская делегация представила документ под названием «Претензии России к государству, ответственному за интервенцию и блокаду», в котором имелся отдельный раздел «Разрушение Ярославля», где были приведены следующие цифры (текст приводится в сокращении):

«Из общего числа жилищных строений 7618 (1198 каменных и 6580 деревянных) сгорело 2147 строений с числом квартир до 6000, остальные жилищные строения почти все имели большие или меньшие повреждения от пуль и снарядов и требуют ремонта... Из 75 фабрик и заводов с 20000 рабочих сгорело 20 фабрик и заводов...»

Число жителей Ярославля перед войной достигло 12000 человек. Во время войны, приливом беженцев, цифра населения, включая и войсковой гарнизон, доходила до 19000 человек. После мейтежа значительная часть жителей вынуждена была покинуть город, и в время работы комиссии в городе проживало 76000 человек гражданского населения...

Из чистого, уютного, красивейшего города Ярославль превратился в грязный, наполовину уничтоженный город громадными площадями-кладбищами, покрытыми развалинами и остатками пожаров.

Итого ущерб по городу Ярославлю 124159 тысяч рублей».

О том, кто уничтожал Ярославль артиллерийским огнём в «Претензии» не говорилось.